

Елизавета Соболянская

За наших!

для СИНИЧКА
ПТИЦЕЛОВА

Елизавета Соболянская Синичка для Птицелова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73198498

SelfPub; 2026

Аннотация

Прозвище прилипает внезапно – падает на голову, выскакивает из-под ног, доносится из толпы. А любовь? Она может так же рухнуть к твоим ногам, взглянуть невозможно синими глазами и сказать: “Давай будем вместе”!

Дороги мира и войны сводят вместе парня из уральской глубинки и девушку из далекой и почти сказочной Костромы...

Содержание

Пролог	11
Десант	15
Встреча	19
Птицелов	24
Бой	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елизавета Соболянская Синичка для Птицелова

Дмитрий Смирнов ака Птиц, потом Птицелов

Алексей Петров, aka Петр aka Апостол

Ксения Сеницына ака Сеничка

Все имена, позывные и факты – придуманы автором. Все совпадения случайны.

Куму, Чеку, Медведю и всем остальным ребятам посвящается...

Пролог

Асфальтированный плац военного училища повидал немало слез. Но Димка сдерживался из последних сил. Нет уж! Он рыдать не будет! Пусть мечта стать офицером отодвинулась, но...

– Димон! – окликнул одноклассник.

– Антоха! – Димка повернулся, подошел, серьезно “дал пять”.

– Поступил? – спросил друг.

Они приехали из одной деревни. Оба мечтали стать военными. Готовились. Занимались спортом. Решали задачки по математике, ведь дед Антохи, вернувшийся из Афганистана, не раз и не два объяснял им, как важно уметь на листке бумаги, а то и в голове высчитать траекторию полета гранаты или пули. Как вести корректировку огня. Как распределить паек и правильно намотать портянки. Двоюродный брат Антохи посмеивался над стариком – говорил, что сейчас портянки никто не носит, давно есть носки в нужном количестве, планшеты, калькуляторы и телефоны, в которых все это сочетается. Но дед только хмуро смотрел на пацанов из-под полуседых бровей и тыкал парней в учебник геометрии:

– Учите, неслухи! Пригодится!

Экзамены Димка и Антон сдали не без трудностей, но хорошо. Почти “отлично”. А вот повторная медкомиссия...

– Не взяли меня, – осипшим голосом сказал Дмитрий. – Окулист срезал.

– Окулист? – не поверил Тоха.

Он даже слов не сумел подобрать, чтобы выразить свое возмущение. Да все в классе знали, что пронзительно-синие Димкины глаза не только девчонок с ума сводят, но и видят превосходно.

– Слезный канал сужен, как-то так! – Дмитрий не удержался и шмыгнул носом.

– Погоди, – Антон вдруг прищурился, – ты же при подаче документов комиссию проходил – и все нормально было?

– Было, – подтвердил Дмитрий, – но сегодня вызвали на дополнительный осмотр... Вон, видишь парня? – Димка указал на здоровяка, почти двухметрового. – Ему сказали “тугоухость”, через полчаса за документами идем...

Друг присмотрелся к парню, потом к однокласснику, а затем толкнул друга в бок:

– Эй, глянь, там, у ворот!

– Что?

Димка широко развернулся, но Тоха придержал:

– Тихо! Помнишь, Серый рассказывал? У ворот “покупатели” стоят. Так вот, одному из них сейчас стопку папок принесли... Одна – розовая!

У Димки вспыхнули уши – от стыда и надежды. Не успел он прикупить синюю или серую папку, так что его документы выделялись в общей массе развеселым розовеньким пла-

стиком в сердечках – у сестры уташил.

– Хм, друг, это, похоже, десантура себе новичков нагребла... Смотри!

Дмитрий не успел повернуться, как рядом стукнули берцы:

– Смирнов?

– Я!

– Иди за мной!

Разговор с офицером был коротким. Парня прямо сейчас везут к врачу, устраняют недостаток, и комиссия будет пройдена. Взамен он проходит “срочную” в десантной части, а если потом пожелает – вернется в училище, но уже не “салабоном”, а сержантом.

Димка думать не стал: автобат – это, конечно, хорошо, а десант – лучше! Его и еще шестерых “забракованных” погрузили в “буханку” и повезли в госпиталь. Бодрый хирург глянул бумаги, хмыкнул офицеру:

– Опять, Ручка, жульничаешь! – и увел парней за собой.

– Ручка? – шепотом спросил Димка, когда медсестра ловко воткнула ему укол под глаз и велела минутку полежать тихо.

– Прозвище, – хмыкнул за спиной док, – зовут его Юрий Михайлович Долгов... И очень он ловко своими длинными ручками к себе добрых парней подгребают. Так. Лежи, боец, не дергайся. Странно, что тебе этот канал в младенчестве не прочистили...

Отвлекая Димку болтовней, врач быстро проделал несколько манипуляций, потом закапал в глаз и сунул флакончик в руки:

– Капать три дня вот этим, потом неделю вот этим. Если будет сильно болеть или гноиться, скажешь Ручке, он тебя сюда привезет. Все, топай!

Остаток дня и ночь Димка просидел в коридоре, ожидая, пока “уберут лишнее” у других парней. У кого-то срезали пяточные шпоры, кому-то убирали гланды. Одному “красавцу” вправляли сломанное ухо. Утром всех отвезли в казарму, выдали бумаги, форму и заперли в карцере.

– Десять дней торчите тут, голуби, – объявил Ручка, – капаете, мажете, учите устав! К моменту перевода в казарму должны блеснуть, как мои звездочки!

Парни хмыкнули и переглянулись – для них началась новая жизнь.

Десант

Служба в десанте даже для подготовленного и спортивного парня стала нелегким испытанием. Нагрузки, обучение, притирка с другими бойцами...

Димка вливался, старался изо всех сил и очень ждал на отдыхе коротких сообщений на старенькую “Нокию” – от одноклассницы Алинки. Сначала сообщения приходили по-много, каждый день, потом их количество уменьшилось, а к Новому году он получил лишь пару слов: “С наступающим!”

Позависав над телефоном, Дмитрий быстро набрал сестре:

– За кого Алинка замуж собралась?

– Ой, ты все знаешь? Прости, она просила не говорить!

– Так за кого? – Дмитрий набирал слова, а в сердце росла ледышка.

– За Степку Верховцева, – ответила сестра, – в конце января справлять будут.

Больше Димка не спрашивал. Занес бывшую подругу в черный список и отключил телефон.

Вышел из казармы, всматриваясь в темное небо, и услышал рык ротного:

– Солдат! Что за вид?! Быстро лом взял и на плац! Снег чистить!

Димка хмыкнул и взялся за лом. “Чем бы солдат ни зани-

мался, лишь бы задолбался” – железное правило армии!

Очистка плаца ломом заняла три дня, потому что два из них шел снег. Усталость, сырость и легкая простуда окончательно выбили из головы мысли об Алинке. Димка с долей сожаления отпустил веселую девчонку из своих мыслей и сосредоточился на учебе – так было легче.

Между тем их не только гоняли на лыжах с полной выкладкой, но и все чаще возили на стрельбище. Конечно, и на полигоне, и по дороге случались разные ситуации – смешные и не очень. Все чаще требовалось окликнуть кого-то быстро, резко и коротко. В какой-то момент бойцы начали обрастать прозвищами. “Скула”, “Чек”, “Нога” – иногда смешные, иногда странные, они прилипали ко вчерашним мальчишкам и становились частью личности. Некоторых бойцов уже и не помнили, как зовут на самом деле – так ловко и ладно “садилось” прозвище. Когда начались прыжки с парашютом – прозвища стали позывными.

Димке долго не могли подобрать ничего подходящего. Не было у него ни резких черт лица, ни вредного характера, ни привычки проверять чеки... Даже фамилия никак не желала превращаться в короткое и хлесткое прозвище.

“Одарил” парня сержант, который помогал молодым бойцам преодолеть страх. Он ловко выпинавал их из люка самолета и даже удивился, когда Димка сам подошел, поправляя снарягу, и без трепета взялся за направляющие.

– Лети, Птиц! – сказал он с усмешкой и легонько подтолк-

нул рукой в спину, а не выпихнул ногами, как обычно.

– Птиц! – уже на земле, когда бойцы собирали парашюты, окликнул Димку Сирота – парень по фамилии Сиротин, и все. Прозвище прилипло! Да и как еще назвать парня, любившего небо всей душой?

Когда до дембеля оставалось всего ничего, из дома вдруг пришло письмо. Бумажное. С фотографией внутри. На фото – могила с крестом, рядом флаг и венки в цветах триколора. У Димки горький комок встал в горле, пока он читал скупые строчки, написанные рукой матери. Погиб сосед. Друг и одноклассник отца.

Похоронили со всеми принятыми почестями, но в деревеньке не нашлось подходящего портрета. Письмо содержало фотографию и просьбу – заказать и переслать керамический медальон для памятника.

В ближайшее увольнение Птиц выполнил просьбу родительницы и... задумался о контракте. Возвращаться в училище и зубрить теорию не хотелось. Да и... Птиц чувствовал себя едва оперившимся птенцом и не знал точно, чего хочет. Может, поэтому в одно из последних дежурств осмелился заговорить с Ручкой.

Тот вздохнул, почесал бровь и выдал:

– Ты, парень, не егози! Дослужи чин чином, домой съезди, да головой подумай. Ну научился ты из самолета сигать да с автоматом бегать. В настоящем бою этого мало. Там головой думать надо. Вон, погляди на Сироту – гранатомет осво-

ил. Специалист! Или вон Курочка – лучший наводчик у нас! Епанча вообще пулеметчик. Профессия, она даже в армии нужна! Понял?

Димка понял. Дослужил, получил от сержанта билет и сухпаек, приехал домой, полюбовался сжатыми полями, осыпающимися березовыми рощами и... рядом флагов на скромном деревенском кладбище.

Наверное, тогда впервые остро кольнуло под ребрами, а в голове появилось решение.

Через месяц, увидев возле школы Алинку с животом, Димка окончательно все решил и подписал контракт.

Встреча

Старинный русский город стал приютом для казарм, в которых формировались бригады. Новички прибывали почти ежедневно, так что, заселив их в казарму, дежурный сержант устало объявлял правила существования и снова погружался в бумаги.

Димка усвоил, что в семь утра и в семь вечера нужно быть на плацу, а остальное время в принципе свободен, и в первый же день собрался прогуляться по городу. Только хорошо бы напарника найти... И пропуск получить... И увольнительное... И...

Он все же выбрался.

Правда, не с приятелем, а сразу с пятеркой парней, служивших срочную в десанте. Свой свояка видит издалека, вот и они рассмотрели друг друга во время построения, потом пересеклись в столовой и наконец, договорившись, получили увольнительные, чтобы прогуляться до ближайшего военорга и взять кое-каких мелочей.

Закупив нужное, поболтались по улице, заглянули в кино, потом выпали в яркий солнечный день и разошлись, решив собраться тут же, в сквере, через три часа, чтобы успеть на построение.

Парни разбежались. Кто в гости к родным, кто в магазины, кто в кафе – поесть от пуза экзотики, пока не пришлось

лопаты тушенку.

Дмитрий решил просто погулять по городу. Он тут никогда не был, поэтому с удовольствием обошел старинный центр, съел мороженое, послушал шелест фонтанов и уже собрался вернуться к месту сбора, когда на него налетела девушка.

– Простите! – хором выдохнули они и рассмеялись.

– Ксения! – первой вспомнила, что не представилась, девушка, тряхнув каштановыми волосами до плеч.

– Дмитрий! – Птиц рассматривал ее – худенькую, легкую, с острым носиком – и любовался.

Они заговорили о кривой плитке, хорошей погоде, мороженом...

Коротко взглянув на телефон, Димка чертыхнулся:

– Ксюша, прости, мне пора бежать! Давай завтра тут встретимся, хорошо?

– Давай, – улыбнулась она в ответ.

– Номер продикуешь? – выкрутился Птиц, едва поймав себя за язык. Хотелось сказать так много, а времени оставалось так мало!

Ксения все же назвала цифры, но так, словно не верила, что Дмитрий позвонит. А он тут же набрал ее номер и добавил во все мессенджеры.

– Прости, мне пора! – жарко выдохнул он и с огромным сожалением убежал.

На плац они успели.

Когда же комендант гарнизона отпустил всех по казармам, Димка так задумался, что привычно-неслышно вошел в кубрик и замер, увидев огромного мужика в тельняшке, стоящего на коленях. Второй такой же огромный мужик стоял над ним, и с первого взгляда казалось, что один кается, а второй собирается отпускать грехи.

– О, молодежь! – сказал, повернувшись, тот, что стоял на коленях. – Заходите, постриг у нас!

– Постриг? – поперхнулся Димка.

Тот, что стоял, хищно взмахнул аккумуляторной машинкой для стрижки волос:

– Красоту наводим, лишнее состригаем! Вон, Кум готов уже! Бас на очереди, третьим будешь?

– Как зовут? – спросил еще один мужик в тельняшке, но худой и длинный.

– Птиц... Дмитрий Смирнов!

– Бойкий ты, Птиц... Давай, Кузьмич добро ровняет, будешь крестником.

Хмыкнув, Димка подставил голову под машинку, вспомнив почему-то, как целовал знамя на присяге.

Оказалось, в казарму временно заселили уже сформированную команду ветеранов. После стрижки они аккуратно спалили волосы в плите на кухне и сели ужинать, разложив перед собой таблетницы.

– Тэ-э-экс, что тут у нас? – самый крупный из бойцов перебирал капсулы, как патроны: – Это – чтобы не болело, это

– чтобы не летело, это – чтоб тушенку жрать, это – писать, это – спать...

Мужики грохнули, но каждый принял свои лекарства.

Димка и другие молодые смотрели на “стариков” с изумлением. Они и подумать не могли в свои двадцать, что можно вот так аккуратно раскладывать лекарства и принимать их, запивая компотом под скрип таблеток.

На следующий день “старики” отбыли к месту назначения, успев “раскулачить” коменданта на какие-то дополнительные ремни и сухпак. А “молодняк” оставили в гарнизоне еще на две недели.

Каждый день Птиц невероятными усилиями вырывался в увольнение и бежал в сквер, чтобы увидеть Ксению. Они гуляли, болтали, ходили в кино и молча целовались на заднем ряду.

Димка рассказывал девушке о своей деревне, о маме, папе, младшей сестре и братьях. О бабуле, живущей в таком месте, мимо которого никто не может пройти, о дядьке-военном, о прочих родственниках, живущих в одной деревне и знающих друг друга наперечет.

Он немного боялся, что городская девчонка сочтет все это ерундой и глупостью, но Ксения его удивила. Оказывается, она родилась почти в такой же деревне, а в город приехала, чтобы поступить в колледж. Поступила, успешно отучилась уже три курса и вот-вот начнет писать диплом.

– И кем будешь?

– Учителем начальных классов, – пожала плечами Ксения. – У нас в деревне только началка, в одном здании с детским садом. Те, кто старше, на автобусе ездят в соседнее село, там уже обычная школа есть.

– У нас школа есть, – сказал Димка, невольно представляя, как на знакомое крыльцо выходит Ксения в строгом платье, с указкой и стопкой тетрадей в руках.

– Давай... не будем загадывать, – попросила его девушка. Она уже знала, что Димка подписал контракт, и очень переживала по этому поводу.

Только в последний день перед отправкой, увидев его, она передала коробку сладостей, купленных на сэкономленные от стипендии деньги, и маленькую открыточку – из тех, что удобно совать в нагрудный карман. На открытке, запаянной в ламинатную пленку, на ветке чирикала веселая синичка.

– Это чтобы меня не забывал, – сдерживая слезы, сказала Ксения. – Ты Птиц, а я Синицына, вот и не потеряемся!

Димка крепко обнял девчонку, прижал к себе, вдохнул аромат ее волос, чмокнул в нос и побежал на построение. Только в казарме, перевернув открытку, он увидел фотографию Ксюши и, чмокнув изображение в губы, убрал открытку в карман. Пусть будет там. Близко-близко к сердцу.

Птицелов

Птицелов, птицелов, разве это ремесло?

Анатолий Киреев (Птицелов)

Первый настоящий бой – это страшно.

Кто-то кричит, не замолкая, кто-то мочит штаны, кто-то падает, как подкошенный, почти в падучей. Срабатывают заложенные природой реакции: бей, беги, замри. Мозги отключаются напрочь.

Именно поэтому молодняк не бросают в бой “с колес”. Их придерживают в прифронтальной зоне на день-два. Чтобы привыкли к грохоту орудий. Перестали вздрагивать, когда сквозь маскировочную сетку сыплются комья земли, осколки, ветки. Чтобы привыкающий ко всему, пластичный человеческий мозг начал отмечать – о, танки палят! А это “крупняк” бьет, да прицельно, собака!

А еще в этой самой зоне проводится самое быстрое в мире обучение.

Не переймешь опыт “стариков”, не освоишь воинскую науку – погибнешь.

Старые бойцы с легкими ранениями часами торчат в палатках, вбивая в молодые горячие головы – головой думайте! Головой! Здесь нет телефонов, калькуляторов или ноутбуков. Все расчеты – на бумаге, и это в лучшем случае. Чаще палочкой на земле или ручкой на колене. Высчитать траек-

торию снаряда, правильный градус подъема ствола, поправка на ветер и того чокнутого, что стреляет слева.

Птиц, как программист, угодил в отделение электронной безопасности. Изучив его личное дело, посмотрев на стрельбище и оценив ширину плеч Птица, командир доверил ему электронную пушку. Трубу изрядного размера и веса, набитую электроникой, способной посадить дрон.

Только посадить “дикую птичку” мало. Едва слышно гудящие винтами коптеры и дроны несли на себе не только камеры, измерительные приборы и чувствительные датчики, но и три-четыре килограмма гранат. Или пачку взрывчатки. Или осколочный снаряд, активирующийся ударом о землю...

В общем, в задачу Птица входило по силуэту опознать дрон, предположить, какая у него “начинка”, а после с помощью “пушки” посадить “Бабу-Ягу” или “Камикадзе” на площадку в стороне от окопов, подбежать, перевернуть и быстро перерезать провода. Или выдернуть детонатор. Или отбросить в сторону связку гранат, чтобы сохранить “машинку”, и позже в полумраке палатки разобрать на запчасти.

Конечно, поначалу все выходило криво и косо.

Он “ходил на охоту” с другим “дроноводом”, пытался помогать, внимательно наблюдал за каждым шагом и все равно “лажал”.

В один из пасмурных осенних дней он не успел выдернуть провода, и новенькую куртку посеколо осколками, как и все, что было под ней. До тельника. Но кожу даже не царапнуло.

– Фартовый, – хмыкнул сержант с позывным “Алканост”, потирая синие “перстни” на пальцах. – Смотри, сажать нужно не жестко на землю, а лучше в дерево или в грудку веток. Так настройки сбиваются, оператор дает пару секунд, вроде как “птичка” сама не туда залетела.

Димка, сцепив зубы, стирая пальцы, снова и снова отрабатывал ситуации на маленьком стрельбище. А когда все же вышел на первую самостоятельную “охоту”, умудрился посадить двойной дрон со связкой гранат и вовремя отбросил их в сторону.

– Ай да Птиц! – похвалил его капитан. – Прямо не Птиц, а целый Птицелов!

Через пару месяцев позывной закрепился, и Димка в сонном мареве адреналиновой усталости сам забыл, как его зовут, отзываясь только на прозвище. Только иногда, в минуты затишья, вынув из кармана фотографию, он гладил высокие скулы Синички и, нет, не улыбался, просто позволял себе немного помечтать.

Связи на передовой нет.

Можно черкнуть весточку своим, когда приходит транспорт. Эвакуируют раненых, привозят гуманитарку. Если посылают в штаб – там есть связь, и есть шанс выпросить у дневального телефон, набрать по памяти номер, услышать голос мамы или скупое приветствие отца. Но каждый раз Птицелов писал короткую смс-ку “Синичке”. Что-то простое, незатейливое. “Думаю о тебе”, “скучаю”, “видел твою тещу”. В от-

вет приходили такие же короткие “минутки”. “Хочу обнять”, “смотрю фотографии”, “пошел снег”.

Такие виртуальные встречи не были частыми, но становились для Димки словно бы оберегом. Потом он ровнее держал свою “трубу”, быстрее добегал до точки, вернее вырывал провода и бил камеры, и подспудно ждал новой okazji, чтобы отправить короткое бумажное письмо.

Бригаду, в которой служил Птицелов, передвинули ближе к фронту. Слили с другим подразделением, и парень с удивлением узнал в матерых, потрепанных бойцах старых знакомых!

– Кум! Петр!

– Прощенья просим, уже не Петр! Уже Апостолом кличут! – дурашливо представил новый позывной боец с благостным лицом и фамилией “Петров”.

Смеясь и хлопая друг друга по плечам, здоровенные мужики скрывали радостное смущение от встречи на боевой тропе. Им предстоял бой, и напряжение уже висело в воздухе.

Бой

Мир замрет не дыша

Вздригнут листья как душа...

Анатолий Киреев (Птицелов)

Когда все пошло не так? Никто не понял.

Память Птицелова застыла в тот момент, когда полетели осколочные снаряды, выкашивая первые ряды окопов, и Кум матюкнулся:

– Танки!

– Что? – хлопнул белесыми ресницами Сыч.

– Танки осколочными лупят. Нам их нечем достать. Дистанция слишком большая...

Дмитрий крутанул в голове ТТХ и стиснул зубы. Их отделение было, по сути, разведывательным, тяжелого вооружения не полагалось – максимум гранатомет, да и то в подствольном варианте. Танк же прицельно лупил на пару километров. По сути, выдвинув на позицию тяжелую технику, засевающие на той стороне могли пить кофе, пока здесь осколки выкашивали людей.

Мысль мелькнула, и мир взорвался ослепительной болью.

Очнулся Птицелов от холода. Зубы стучали, дрожь сотрясала тело, ноги до колен словно погрузили в горячую воду. Где-то в стороне слышался торопливый, почти плачущий голос:

– Батя, батя! Это Сирота! Я тут один остался! Один! Батя, подкрепление пришли!

Птиц шевельнулся, хотел сказать, что он еще жив, и тут ощутил на себе чужие руки. Моргнул, кашлянул и вдруг узнал того, кто проверял его подсумки:

– Апостол?

– Птицелов? Жив! Автомат удержишь?

– Удержу! – Димка приободрился. Апостол был мужиком взрослым, битым и очень-очень осторожным. Помнится, когда на передовую приехала какая-то комиссия, он первый сказал: “Мужики, валим в сторонку! Они все с мобилами!”

– Молодец! – руки Апостола скользнули по телу, прошлись по ногам, и он цокнул языком. – Аптечка? Жгут?

Птиц выдернул резиновую трубку из кармашка разгрузки.

– Красавец! – Апостол быстро наложил жгут, кольнул противошоковое, подложил под руку Птицелова автомат и шепотом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.